

РАЗДЕЛ 4. РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

УДК 81'42:32

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Бессонова Л.Е., Сегал Н. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь,
Украина*

В статье исследуется специфика функционирования слов с пространственной семантикой, моделируются бинарные оппозиции, на основе которых формируется категория «пространство» в политическом тексте.

Ключевые слова: *политический дискурс, политический текст, бинарные оппозиции.*

В современных измерениях научного познания фокус исследовательского внимания закономерно смещается с системно-структурной парадигмы на парадигму антропоцентрическую, когнитивно-прагматическую, определяя тем самым важные лингвистические направления, связанные с изучением базовых категорий концептуализации мира. Одной из таких категорий является категория *пространство*, языковые единицы которой служат средством актуализации не только наивной картины мира, но и сферы политической коммуникации. При всем многообразии работ и подходов к исследованию *пространства* в современной лингвистической науке проблема языковой манифестации пространственных смыслов по-прежнему остается дискуссионной. *Актуальность* предлагаемой *статьи* заключается в необходимости описания механизмов языковой репрезентации *пространства* и его переосмысления, в выявлении специфики функционирования слов с пространственной семантикой в политическом тексте. Языковые единицы с пространственной семантикой являются важным средством категоризации и концептуализации сферы политики и отражают особенности политической коммуникации. Для проведения комплексного анализа сферы-источника *пространство* в политическом тексте важным является исследование как горизонтального, так и вертикального вектора, что позволяет структурировать дискурсивное пространство политического текста. Коммуникативно-прагматический подход к анализу политического текста на основе построения системы координат позволяет определить когнитивные механизмы порождения и восприятия политического текста.

По убеждению ученых, особая значимость вертикальной оси обусловлена вертикальным строением человека, поскольку именно его тело становится основой

структуризации пространства. В работах Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, Т.В. Булыгиной, М.В. Всеволодовой, Е.Ю. Владимирского, В.Г. Гака, А.А. Зализняк, О.П. Ермаковой, И.М. Кобозевой, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, О.Н. Селивёрстовой, Е.А. Селивановой, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелева, Г.М. Яворской, Е.С. Яковлевой и др. выдвигаются важные для лингвистики концепции, связанные с антропоцентрической ориентацией пространства, организованного вокруг человека как центра микро- и макрокосмоса. Данная категория, как известно, репрезентируется языковыми единицами с семантикой пространственной локализованности предметов и отношений, с которыми сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность. Таким образом, пространственный фрагмент языковой картины мира представляет собой систему разноуровневых языковых средств как репрезентантов локусных концептуальных оппозиций. Эти положения тесно связаны с известными научными идеями Ю.М. Лотмана о текстовом и семиотическом *пространстве*: всякая модель культуры и языка может быть описана в пространственных понятиях и терминах [8]. По мнению ученого, семиотика *пространства* имеет исключительно важное значение в создании картины мира той или иной культуры, а природа этого явления связана с самой спецификой *пространства*. Анализируя категорию *пространство*, лингвисты приходят к выводу о необходимости разграничения двух аспектов: пространственной структуры картины мира и пространственных моделей как метаязыка описания типов культуры. В первом случае пространственные характеристики принадлежат описываемому объекту, во втором – метаязыку описания. Сама конструкция миропорядка неизбежно мыслится на основе некоторой пространственной структуры, организующей все другие ее уровни. Отмечая значимость категории *пространство* в картине мира той или иной культуры, В.Г. Гак подчеркивает: «для того чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т.п. Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [2, с.130]. Отмечая безграничность концептуального *пространства*, Е.С. Кубрякова отмечает, что «взор человека может останавливаться как на том, что его непосредственно окружает, так и не ограничиваться этим, т.е. быть устремленным вдаль, до естественного «края земли» – горизонта, а это объясняет возможность приписать пространству самые разные размеры и масштабы, отождествляя его то со вселенной, то со всем миром, то, напротив, ограничивая его непосредственно видимым полем зрения и придавая ему смысл какого-либо очень небольшого, вместилища» [7, с.26].

Рассматривая пространственные отношения в рамках мифологической модели, В.А. Ермакова указывает, что именно они отражают координацию объектов, с которыми в первую очередь сталкивается человек, воспринимающий объективную реальность. Сам человек есть материальное тело, занимающее определенное место в пространстве и обладающее известными пространственными признаками (величина, форма, направление движения в пространстве [4].

Таким образом, локативные отношения занимают большое место в языковой системе, отражая способы концептуализации внешнего мира.

С целью описания когнитивных механизмов порождения и восприятия политического текста в предлагаемом исследовании рассматривается ряд бинарных оппозиций, обусловленных архетипическими представлениями человека о мире. Под оппозицией принято понимать объединение двух различных объектов, связанных таким образом, что мысль не может представить один, не представив другой. Л.А. Новиков справедливо отмечал, что «единство оппозитивных членов всегда формируется при помощи понятия, имплицитно содержащего оба противочлена и разлагающегося на эксплицитную оппозицию, когда оно относится к конкретной действительности» [9, с. 136]. Выявление концептуального содержания членимых оппозиций горизонтального и вертикального векторов текста через систему средств вербальной репрезентации является *целью работы*.

Необходимо отметить, что при описании концептуальных оппозиций необходимо исследование не только концептуального содержания слова, но и, что очень важно, его валентностного семантического потенциала. На наш взгляд, это обусловлено тем, что номинативное поле ключевого слова *пространство* объемно и обладает высокой степенью номинативной плотности, а значит, вербализация данной единицы будет представлена разнообразными парадигмами. Этот факт свидетельствует о релевантности репрезентантов пространственных единиц в языковой картине мира. Контекстный анализ показал, что категория *пространство* является основой реализации в политическом тексте ассоциативно-прагматического потенциала ключевых слов, представляющих текст на основе горизонтальной (*путь, дорога, тропа, тропинка, стезя, колея и др.*) и вертикальной (*гора, вершина, пик, пропасть, обрыв и др.*) текстовых парадигм. Механизмы актуализации концептуального содержания пространственных единиц в политических текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка.

По замечанию лингвистов, вторичность «отпространственных» значений в языке интерпретируется по-разному: как метафорическое преобразование семантики у предлогов, как развитие вторичных (непространственных) функций у пространственных моделей в языке, как система непространственных смыслов, формирующихся вокруг пространственного прототипа у полисемичного слова, как параллелизм пространственных и темпоральных отношений и задание когнитивных операций для преобразования членов разных категорий [5, с. 195-196]. Для характеристики явлений и отношений, принадлежащих не физическому, а социально-политическому пространству, в текстах выявляются топологические оппозиции, построенные на основе горизонтального и вертикального векторов. Семное варьирование возможно в процессе контекстного противопоставления лексических единиц. Бинарными оказываются не только *верх* и *низ* конкретного объекта вертикальной плоскости, но и конечные точки всей вертикальной оси, образуя при этом соответствующие оппозиции. Например, для текстов политического дискурса последних пяти лет наиболее активными являются такие конечные точки оси, как *гора, вершина, пропасть, яма, дно: Страна уже набрала хороший разбег, но этот разбег может привести как на гору, так и в пропасть. Если появится правильная стратегия и видение, если появится правильное*

лидерство, то страна, безусловно, серьезно **поднимется в гору** (ЗН, 23.08.2007). **От дна до вершины: Почему в странах Ближнего Востока возник феномен НРПО** (i-r.ru/page/stream-library/index-3756.html). **Политик может чувствовать себя вершиной даже на дне пропасти** (leloo.com.ua). **Из всех вершин, существующих на политическом высокогорье Российской Федерации, Примаков покорил почти все** (Политика, 11.04.2007). **Украину ведут в политическую долговую яму** (Киевские новости, 16.02.2010). ... **упав на дно, российская экономика может просто не найти ресурсов, чтобы с этого дна подняться** (Эхо Москвы, 21.04.2010). **ПР оказалась абсолютно незащищенной. Черновецкий будет постоянно тащить ее на дно** (ЗН, № 15 (795) 17-23 апреля 2010). **Если к власти придет Ющенко, человек абсолютно прозападных политических взглядов, то между Украиной и Россией развернется такая пропасть, что отношений, которые есть сейчас, не удастся достичь никогда** (KM.RU, 23.11.2004). **Перед Украиной стоит выбор между старым и новым. Выбрать старое – обречь Украину на олигархат, на увеличение пропасти между властью и обществом, на безрадостную жизнь для нескольких поколений вперед** (Телеграф, 29.10.2009). **Снова украинский мир оказался перед пропастью, через которую не в силах был перебросить мост** (ЗН, № 38 (818) 16-22 октября 2010). При погашении архисемы 'пространство' в таких контекстах происходит значительная перестройка семной структуры рассматриваемых единиц. Политическая семантика лексической единицы *гора* возникает в результате актуализации сем 'цель', 'желаемый результат'. Прагматические смыслы позволяют лексеме *пропасть* актуализировать в тексте семы 'нежелательный результат', 'провал'. Таким образом, за счет противопоставления лексических единиц *гора* – *пропасть* актуализируются коннотативный и оценочный компоненты: *гора* ('цель') – это хорошо, *пропасть* ('провал') – это плохо. Такие локусно ориентированные аксиологические характеристики весьма важны для осмысления внешнего мира человеком, прежде всего, его социального пространства. Аксиологические характеристики в одно и то же время зависят от внешнего мира и независимы от него. Предметом оценивания может стать не всякое явление действительности, но лишь то, что нужно человеку. «Для того чтобы оценить объект, – подчеркивает Н.Д. Арутюнова, – человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [1, с.181].

Метафорическое переосмысление движения вниз выявляется в конструкции «спуститься с гор», реализация смыслового содержания которого, как правило, характеризуется конкретной политической ситуацией – выборами: **досрочные выборы спустились с гор, электорат спустился с гор, голоса избирателей спускаются с гор, кандидаты спустились с гор: Янукович увидел, как досрочные выборы спустились с гор** (Новый регион, 06.02.2008). **Кандидаты спустились с гор** (НГ, № 35 от 6 апреля 2009 г.). **С. Тигипко: пришло время спускаться с гор к людям** (liga.net, 21.08.2004).

Референтное событие «выборы» обуславливает не только изменение значения слова, но и его морфологическое поведение: рассматриваемая лексема, как правило, в такой композиции используется в форме множественного числа, что не свойственно пространственной лексике в целом. Это определяется прагматическим

компонентом высказываний: *горы* в политическом тексте не только имеют большую протяженность по вертикали, но и занимают значительное пространство по горизонтали. По мнению В.З. Демьянкова, пространственно-временная и/или этическая локализация (фокус эмпатии) автора текста являются важными координатами референтного события и лежат в основе когнитивной интерпретации политического текста [3, с. 59 – 60]. При погашении сем ‘направление’ и ‘движение’, обусловленных лексикографической характеристикой конструкции, происходит актуализация сем ‘неожиданность’, ‘непредсказуемость’, ‘закрытость’, ‘искусственность’, наведенных политическим контекстом.

В политическом тексте *гора* может представляться как искусственно созданное препятствие, преодоление которого не приводит к желаемым результатам. Так, продвижение к вершине становится не способом достижения цели, а причиной возникновения новых проблем и общественных конфликтов: *Есть что-то несуразное в том, что «восьмерка» забирается все выше в горы для того, чтобы решать проблемы глобального характера, а количество людей, возражающих против этого, становится все больше* (<http://2004.kremlin.ru>). В таких контекстах присутствует смысловая модификация семы ‘высота’, при которой происходит расщепление семы с появлением нового семного конкретизатора ‘сложность при достижении вершины’. Наряду с локусной оппозицией «под горой» – «на вершине горы» в политическом тексте активно функционирует оппозиция «под горой – за горой». Так, в первом случае *гора* становится препятствием для передвижения в пространстве, а во втором – преградой для обозрения пространства. Видеть то, что происходит за горой, может только проницательный и заинтересованный субъект: *Прокуратура должна продемонстрировать, что это элита, которая смотрит не на то, что делается под горой, а на то, что делается за горой. Она дальше всех видит, у нее есть тот уникальный инструментарий, который может поставить точку в этих вопросах* (<http://2006.liga.net/news.asp?nid=181756>). Таким образом, *гора* как фрагмент пространственного мировосприятия становится важным объектом не только для динамического субъекта, но и для статического. Важным аспектом функционирования языковой единицы «гора» в политических текстах является ее участие в экспликации прецедентных высказываний. Контекстологический анализ подтверждает факт об основных источниках прецедентности: библейские тексты, древнегреческая и древнеарабская литература, русский фольклор. Коммуникативное пространство политического текста реализуется за счет изменения семантики, а иногда и структуры прецедентных высказываний.

Выводы. Таким образом, украинский политический дискурс отличается спецификой интенционального содержания, многополярностью и многовекторностью. Изменение семантики слов проходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где лексемы с пространственной семантикой приобретают новые семантические признаки. Эти признаки способствуют реализации метафорических значений в коммуникативном пространстве текста.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Гак В.Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств: [сборник статей] / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127-135.
3. Демьянков В.З. Событийность в языке средств массовой информации / В.З. Демьянков // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С.59-60.
4. Ермакова В.А. К вопросу о мифологической модели пространства [Электронный ресурс] / В.А. Ермакова. – Режим доступа: // <http://www.ksu.kz/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=515>.
5. Королева Ю.В. Категория пространства и способы ее трансформации в языке (на материале русских глагольных префиксов) / Ю.В. Королева // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эммер и др. Отв. ред. – проф. З.И. Резанова. – Томск : UFO-Plus, 2007. – 384 с. – С.188-226.
6. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств : [сборник статей] / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 84-93.
7. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка / Е.С. Кубрякова // СЛЯ. – 1997. – Т. 56, № 3. – С. 22-31.
8. Лотман Ю.М. Семиотика пространства / Ю.М. Лотман // Избранные статьи : в 3-х т. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 386-472.
9. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982 – 272 с.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.

Бессонова Л.Ю., Сегал Н.О. Політичний текст: метафоричні моделі побудови концептуального простору // Ученіє записки Тавричського національного університету ім. В.І.Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.3-8.

У статті досліджено специфіку функціонування слів із просторовою семантикою, змодельовано бінарні опозиції, що формують категорію «простір» у політичному тексті.

Ключові слова: політичний дискурс, політичний текст, бінарні опозиції.

Bessonova L.Ye., Segal N.A. Policy text: metaphorical model construction of the concept of space // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.3-8.

The article investigates the specifics of the functioning of words with spatial semantics, modeled binary oppositions on which formed the category "space" in a political text.

Key words: political discourse, political text, binary oppositions.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.